

Лахотюк Любовь Андреевна

ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ЯЗЫКА МЫШЛЕНИЕМ И ПУТИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Статья рассматривает проблемы соотношения сознательного и бессознательного в процессе формирования речи. Приводятся аргументы тех, кто считает, что мышление происходит только в вербальных формах, и тех, кто полагает, что существует довербальный несловесный уровень мышления. Предлагаются пути проникновения в образ инофонного сознания посредством овладения грамматическим кодом иностранного языка через воздействие на чувства, а также развитие рефлексивного мышления в контексте деятельности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 115-117. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811'16:378.147

Филологические науки

Статья рассматривает проблемы соотношения сознательного и бессознательного в процессе формирования речи. Приводятся аргументы тех, кто считает, что мышление происходит только в вербальных формах, и тех, кто полагает, что существует довербальный несловесный уровень мышления. Предлагаются пути проникновения в образ инофонного сознания посредством овладения грамматическим кодом иностранного языка через воздействие на чувства, а также развитие рефлексивного мышления в контексте деятельности.

Ключевые слова и фразы: логос; когнитивные процессы; бессознательное; вербальность/невербальность мышления; культурные архетипы; инофон.

Лахотюк Любовь Андреевна

Томский политехнический университет

lakhotyuk@tpu.ru

**ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ЯЗЫКА МЫШЛЕНИЕМ
И ПУТИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА[©]**

Характерной чертой наступающей постиндустриальной эпохи является антропоцентризм. Это находит, в частности, свое отражение в том, что развитие гуманитарных наук проходит путь от рационалистических, формально-логических исследований до системных, антропологических учений. Так же как психология, которая сначала рассматривала человека как рациональное существо, пока Зигмунд Фрейд не создал своего учения о роли бессознательного, поднялась до понимания человека как целостного системного организма, так и лингвофилософская мысль поднялась до понимания языка как целостного системного организма, где центральное место, естественно, занимает языковая личность с ее сложноорганизованной психикой и запутанными взаимоотношениями между сознанием и подсознанием.

Предметом нашего интереса является проблема соотношения сознания и бессознательного, обусловленности сознания и мышления языком, которая теснейшим образом оказывается связанной с проблемой «языка мысли». Исследование этой проблемы привело к постановке вопроса о роли бессознательного, о том, всегда ли мышление происходит в вербальных формах или существует довербальный несловесный уровень мышления. На этот вопрос нет однозначного ответа до сих пор, так как «глубинные уровни речепроизводства все же недоступны для объективного наблюдения» [1, с. 27].

С одной стороны, мы согласны с мнением Платона, который в своем знаменитом «Теэтете» говорит: «Если же кто-то получит истинное воззрение на что-либо помимо слова, то душа будет владеть истиной, но не знанием, ибо кто не может дать отчет и подобрать слово для чего-то, тот не знает этого. Привлекая же слово, он постигает все это и в конце концов подходит к знанию. Знание – это истинное воззрение, произнесенное словом, а не произнесенное словом – вне знания; и для чего есть слово – то познавательно» [Цит. по: 2, с. 287]. С другой стороны, нам близко высказывание В. Гумбольдта о том, что «человеческое существо обладает предощущением какой-то сферы, которая выходит за пределы языка и которую язык, собственно, в какой-то мере ограничивает, но что все-таки именно он – единственное средство проникнуть в эту сферу и сделать ее плодотворной для человека, причем воплощать в себе все большую ее часть языку помогает именно совершенствование его чувственной стороны» [5, с. 171].

Обращаясь к истории, мы обнаруживаем негативное отношение к чувственной составляющей сознания. Античные мыслители утверждали, что логос – это истинное знание, в то время как «докса» – чувственное знание – является «темным», «неразумным знанием», искажающим истину. Приоритет был отдан разуму, т.е. мысли, выраженной в речи. Но «наш разум видит многое, для чего, однако, у него нет словесных обозначений», – пишет Данте [13]. По мнению Д. И. Дубровского, «наиболее важное феноменологическое различие между сознательным и бессознательным состоит в том, что первое представляет информацию – «закрытую», непосредственно для личности недоступную, но играющую тем не менее чрезвычайно существенную роль в общем балансе личностных информационных процессов [6, с. 74]. Поэтому представляется, что не менее, чем логос, важна докса – это мыслительный результат, важный для самого себя, но не выраженный для другого. Человек, настойчиво стремящийся понять себя, свои отношения с другими людьми и миром, опирается в значительной мере и на невербальный язык, что приближает его к образному, к тому, что обычно описывается терминами «прозрение», «неведомое знание», «подсознательные глубины». Само обилие сходных терминов говорит о материальности этого явления. Если бы его не существовало, у нас не было бы знакомого всем ощущения, что то, что мы говорим, – это не то, что хотим сказать, что наша мысль на самом деле глубже и что она, как трава пробивается сквозь асфальт, распрямляясь и меняя цвет, пробивается из довербальной части (из бессознательного, где она существует в форме чувственного знания, «предощущения») в вербальную часть (сознание), подыскивая себе нужные слова и способы построения предложения и становясь

в результате этого процесса осознанной. Доказательством этой мысли является наиболее часто цитируемая фраза, когда речь заходит о языке и мышлении, из известного стихотворения «Silentium» Ф. И. Тютчева – «Мысль изреченная есть ложь» [11, с. 105-106].

«Во внутренней речи, – отмечает Л. С. Выготский, – слово является гораздо более нагруженным смыслом, чем во внешней» [3, с. 326]. Фреймовая пресуппозиция всегда богаче высказывания. Глубины жизни с трудом поддаются переводу в правильные и правдивые слова. Хорошо об этом сказала Марина Цветаева:

Да вот и сейчас, словарю
Придавши бессмертную силу,
Да разве я то говорю,
Что знала, пока не раскрыла
Рта, знала еще на черте
Губ, той – за которой осколки...
И снова, во всей полноте,
Знать буду, как только умолкну [12, с. 316].

Вопрос о соотношении сознания и бессознательного, вербальности и невербальности мышления касается универсальности когнитивных процессов, проходящих в бессознательном. Так как нам более близка позиция антивербалистов и в то же время мы убеждены в реальности понятия «языковая картина мира», мы не согласны с мнением Д. Б. Гудкова, который полагает, что антивербалистский подход исключает гипотезу лингвистической относительности, основным постулатом которой является мысль о том, что язык в какой-то степени определяет мышление. «Так как языком мысли остается некий универсальный невербальный язык, – пишет он, – нет смысла говорить об особом отражении мира носителем того или иного языка, об особой языковой картине мира» [4, с. 29]. Но... почему бы не предположить, что так же как не универсален «невербальный язык» разговорного языка, так же не универсален «невербальный язык мысли»? Нам представляется, что так как бессознательное, в котором начинает формироваться мысль, является вмещилищем не только индивидуального опыта, но и культурных архетипов, то оно еще в большей степени, чем сознание, является национально детерминированным. Возможно, национальной детерминированностью бессознательного объясняется имеющая место непроницаемость культур.

Последние исследования ученых в области генетики приводят доказательства, согласно которым центральный тезис гипотезы Сепира – Уорфа может действительно оказаться справедливым. Установлено, что межкультурные различия, в том числе тип мышления, в значительной степени определяются генетическим фактором, а именно межполушарной мозговой асимметрией. Ученые пришли к выводу, что «характерное для западной цивилизации логико-вербальное отражение мира связано с повышенной активностью левополушарного мышления, тогда как оперирование образами, различение музыкальных тонов, мелодий и невербальной информации, более присуще представителям восточной цивилизации, является результатом повышенной активности правого полушария. Безусловно, удельный вес того или иного типа мышления у разных людей, как и у разных этносов, различен. Точнее, в каждом народе имеются все типы мышления, но с доминированием одного из них, т.е. с определенным статистическим преобладанием у индивидов данного этноса того или иного способа мировосприятия» [8, с. 78]. Доминирование того или иного типа мышления находит свое отражение в языке. «Для английского языка характерно буквенное выражение, ориентация на логику, линейная структура; он особенно удобен для науки. Японский язык более пригоден для поэзии, он выражает содержание с помощью аналогий, ориентирован на чувство» [10, с. 83].

Естественная логика утверждает, что различные языки – это в основном параллельные способы выражения одного и того же понятийного содержания, поэтому они отличаются лишь незначительными деталями, которые только кажутся важными. Эта концепция укоренилась в нашем сознании настолько глубоко, что нам трудно представить, что она может быть подвергнута сомнению. Подавляющее большинство людей, говоря на родном языке, просто лишены возможности осознать те ограничения, которые он накладывает. Эти ограничения кажутся им чем-то безусловным, лежащим в самой природе вещей. Когда лингвисты исследовали много языков, весьма различающихся друг от друга, они столкнулись с нарушением тех закономерностей, которые ранее считались универсальными. Оказалось, что грамматика не просто инструмент для воспроизведения мысли, но программа и руководство мыслительной деятельности человека.

Несмотря на определенные грамматические компетенции – правильное употребление времен и падежных окончаний (в русском), мы почти всегда сможем отличить носителя языка от человека, для которого язык является неродным, по тому, как он располагает элементы предложения. И, безусловно, есть корреляция между характером языка и характером нации, сформировавшимся, в частности, под воздействием культурных архетипов.

Культурные архетипы начинают формироваться с момента рождения ребенка, и они усваиваются не по биологическим законам, а в процессе социализации. Сознание накапливает культурно обусловленные контексты в виде фреймов, определенных коммуникативных ситуаций, которые накладываются на индивидуальный опыт каждого человека, прошедшего социализацию в определенной культуре.

Наибольшие трудности в общении представителей разных культур возникают вследствие различия содержания образов сознания. Иностранное слово для нас – всего лишь определенный набор звуков, тогда

как родное слово имеет чувственную природу восприятия. «Родной язык – язык души; второй и остальные – языки памяти» [9, с. 56]. В силу того, что образ сознания, связанный со словом иностранного языка, формируется вне реального культурного опыта, имя, с ним связанное, оказывается мертвым, поскольку не несет в себе энергии культурного действия. «Освоение нового языка равносильно освоению нового сознания», – считает Э. Кассирер [7, с. 393].

Что значит овладение образом этого мира? На наш взгляд, понимание образа мира через призму инофона помимо овладения страноведческой информацией, нормами поведения и музейной, застывшей культурой чужой страны находит свое выражение:

1) в понимании, как языковой объект (слово), выражающий понятие, используется как элемент для построения модели действительности и ассоциируется функционально в языковой действительности со всеми моделями, в которых он участвует;

2) в овладении грамматическим кодом иностранного языка как программой и руководством мыслительной деятельности.

Как нам представляется, пути достижения этой задачи заключаются:

- в воздействии на чувства, эмоции, что будет способствовать попыткам проникнуть, насколько это возможно, в область инофонного бессознательного;

- в развитии рефлексивного мышления в контексте деятельности, что, как известно, раскрывает специфику духовного мира человека и формирует его сознание.

Список литературы

1. Ахутина Т. В. Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса. М., 1989. 215 с.
2. Васильева Т. В. Беседа о логосе в платоновском «Тезете» // Платон и его эпоха. М., 1979. С. 278-301.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. Изд-е 5-е, испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
4. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гносис, 2003. 288 с.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 398 с.
6. Дубровский Д. И. Информационный подход к проблеме бессознательного // Бессознательное. Тбилиси, 1979. Т. 3. С. 68-77.
7. Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции. М.: Гносис, 2006. 403 с.
8. Кессиди Х. Ф. Глобализация и культурная идентичность // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 76-79.
9. Костомаров В. Г. Мой гений, мой язык: размышления языковеда в связи с общественными дискуссиями о языке. М.: Знание, 1991. 64 с.
10. Ротенберг В. С., Аршавский В. В. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур // Вопросы философии. 1984. № 4. С. 78-86.
11. Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1987. 448 с.
12. Цветаева М. И. Стихотворения. Поэмы. М.: Сов. Россия, 1988. 416 с.
13. http://www.modernlib.ru/books/aligeri_dante/sochineniya/read_35 (дата обращения: 20.05.2013).

LANGUAGE DETERMINANCY BY THINKING AND WAYS OF ITS OVERCOMING WHEN LEARNING FOREIGN LANGUAGE

Lakhotyuk Lyubov' Andreevna
Tomsk Polytechnic University
lakhotyuk@tpu.ru

The author considers the problem of correlation between the conscious and the unconscious in the process of speech formation, gives the arguments of those who believe that thinking takes place only in verbal forms, and those who believe that there is a preverbal nonverbal level of thinking, and suggests the ways of penetration into the image of foreign language speaker's consciousness by means of mastering the grammar code of a foreign language through the impact on senses, and also the development of reflective thinking in the context of activity.

Key words and phrases: logos; cognitive processes; unconscious; verbality/non-verbality of thinking; cultural archetypes; foreign language speaker.